

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БЕЛАЯ МЕТКА БУЛЬДОГА АЛЕХИНА

Лондон. Пять месяцев назад. Июль

Она и девочки не видели его уже больше трех лет. Шестнадцать лет с ним и три – без него... Другая жизнь, вторая. Эта «вторая» жизнь по ощущениям получилась в разы длиннее первой. Сытая, спокойная, размеренная, устроенная, как в сказке. Но без него. Девочки, которым уже исполнилось шесть и семь лет, давно перестали спрашивать об отце. Настя больше не показывала им его фотографии. Сергей строго приказал ей ни одной старой семейной фотографии не брать с собой. Свадебный альбом, все фото с ней и с детьми – шашлыки, рыбалка, Египет, Кипр – все осталось в Москве. В Москве, из которой они бежали, как наполеоновская армия, – так пошутил он во время их последней встречи. Прошлое было начисто стерто. Целый мир, целая жизнь. Словно выжженная земля. Пепелище. Она тайком сохранила одно его фото из паспорта и еще одно, на котором они были вдвоем. Молодые, веселые, поддатые... И еще одно. Самое любимое и дорогое. Все вместе. С дочками – малютками.

В новой жизни теперь была просторная квартира на втором этаже викторианского дома в Хэмстед-Хите. Рядом – парк с дубами и кроликами, чуть подальше – озеро с утками и лебедями. На улице, на лужайке соседнего дома целыми днями в разных уморительных позах валялись три упитанно-воспитанных рыжих кота, которые вели себя так, будто вся округа принадлежала им, то есть нагло дрыхли на газоне день и ночь – лапы врозь, соломинка в зубах. Так их од-

нажды нарисовала Лиза, гувернантка, художница по призванию и образованию, проживающая на другом конце Лондона, в Илинге, и часто остающаяся у них ночевать. Девочки очень смеялись и попросили вставить рисунок в рамку. Так смешные коты в Лизином исполнении перекочевали на камин.

Каждый день седой благообразный джентльмен лет восьмидесяти, если не больше, которого в силу его природной аристократической стати трудно было назвать престарелым, выходил из дома напротив ровно в десять утра, минута в минуту. И если Настя в этот момент смотрела в окно или поливала цветы в горшках на подоконнике, джентльмен всегда улыбался ей, поднимая, как тамбурмажор, над головой трость своего неизменного зонтика и вежливо наклоня седую голову. Зонтик всегда был при нем, независимо от погоды. По заведенному ритуалу он следовал в парк, где и гулял ровно два часа. Бывало, встречая их на улице или в парке, незнакомец вновь улыбался, открывал неизменную жестяную баночку леденцов, угощал ими девочек и заговаривал с ними о деревьях, птицах, погоде – дожде, облаках и солнце. Благодаря Лизиним стараниям Танечка и Верочка уже вовсю щебетали по-английски.

Настя тоже учила язык с преподавателем, пожилой дамой, которая с английским юмором представилась ей как мисс Призм, хотя звали ее совсем по-другому. Настя уже могла сносно читать и писать, понимала, что говорят в новостях по Би-би-си, понимала мисс Призм и своего соседа и могла с ними кое-как болтать. Но, как ни старалась, она все еще не понимала ни слова из уст других встречающихся ей лондонцев, как, впрочем, и язык, вернее, говор героев идущих по телеку фильмов, шоу и других передач.

Мисс Призм и просветила Настю, что ее импозантный сосед был не кем иным, как бывшим шпионом на службе Ее Величества, а ныне известным во всем мире писателем Джоном Ле Карре. Не знакомая с творчеством этого автора, Настя купила его книгу и взяла у него автограф, который он любезно дал ей со своей неизменной белозубой улыбкой и фразой: «Ah, never mind. It is really rubbish»¹. Белиберда или нет, но Настя так и не смогла осилить ее и оставила

¹ «Ах, пустяки. Это такая белиберда» (англ.).

на видном месте с закладкой на десятой странице – до лучших времен. Скоро девочки подрастут и прочитают, думала она. Сестренки и так между собой общались на английском и даже понимали диалект кокни, по-русски же говорили все более неохотно, только с ней. С появившимся (и с каждым днем усиливавшимся) акцентом.

Сейчас, положив ноги на пуфик у кресла и откинувшись на спинку из мягкой кожи, она закрыла глаза и раскинула руки, касаясь девочек, которые устроились по обе стороны от нее и уткнулись в экраны. По ее просьбе стюард снял подлокотники между креслами, и они втроем легко уместились на двух. Настя никак не могла справиться с волнением, не покидавшим ее с самого взлета. Сидя в роскошном салоне первого класса авиарейса МА-71 Лондон – Бангкок, она не могла расслабиться. Все ее мысли были только о нем. О далеком Сереже, который через два дня в пятизвездочном бунгало на экзотическом острове Самуи вновь, после трехлетней разлуки, должен стать мужем и отцом – любимым, родным и близким.

Настины пальцы, перебиравшие локоны увлеченных мультиками дочек, словно сами своими подушечками пытались вспомнить прикосновения к его волосам, щетине, шее, спине, губам. Но, как ни старалась, она так и не смогла увидеть его образ, почувствовать запах, услышать голос. На секунду ей показалось, что краешком сознания услышала его далекий смех, но и он растаял, испарился, «как сон, как утренний туман» – лондонский, уже привычный.

– Лена, теперь с девчонками ты одна, – сказал ей Сережа три года назад на прощание в аэропорту Франкфурта, где они расстались в последний раз. – Я не смогу тебе ни писать, ни звонить. Но я буду рядом. Квартира у тебя есть. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Денег тебе и девочкам хватит на три жизни. Все номера счетов у тебя есть. Я вас найду, когда пойму, что мы все можем дышать спокойно. Не могу сказать когда, но... Я всегда буду рядом.

Сергей обнял девочек, коснулся губами ее лба. Отвернулся и, не оглядываясь, быстро пошел по направлению к другому терминалу, выкинув по пути завернутый в газету телефон в один мусорный контейнер, а SIM-карты в два других – чуть дальше.

Сергей не оговорился. Тогда ее звали Леной. Еленой Алехиной. Но уже тогда, при первом пересечении границы, она стала Анастасией Яр-

мольник. У девочек имена остались прежние. А фамилию они, оказавшись в ином мире и окунувшись в новую жизнь, вскоре забыли сами.

* * *

Настя осторожно отвела руки от одновременно забывшихся сном девочек, обхватила себя за плечи, еще глубже вжалась в податливое кресло и вспомнила вдруг их первую встречу двадцать один год назад. Когда она, тогда еще студентка-заочница МОПИ, жила у московской подруги и работала днем приемщицей в прачечной в Марьиной Роще. Кто мог представить тогда, какую роль в их жизни сыграет эта прачечная и выцветшая белая метка с едва различимым номерком на заляпанном вином или вареньем кусочке простыни. Со временем все родные и знакомые знали эту историю наизусть и твердили, что так бывает только в кино.

Однажды в прачечную зашел симпатичный коротко стриженный молодой человек по фамилии Алехин (имя она сразу не запомнила) в помятом сером костюме, белой застиранной рубашке без галстука и показал ей красную книжицу-удостоверение. А затем и ту самую метку.

Геолог Федя Суворов через знакомого сдал свою однокомнатную квартиру на летний сезон студенту из Махачкалы. Когда Суворов вернулся домой в сентябре, он нашел квартиру чисто убранной, а выданные квартиранту ключи были у соседки. Та сказала, что студент уехал еще в июле. Это было странно, ведь он собирался жить по август включительно и заплатил за все три месяца вперед. Странно, но ладно. Уехал и уехал. Бывает.

Утром следующего дня, когда Суворов вышел из квартиры, чтобы отправиться на работу, он сразу же получил увесистый удар по голове, очутился на бетонном полу, почувствовав, как в спину и ноги ему упираются чьи-то тяжелые колени, руки выламываются за спину и на запястьях застегиваются наручники. Суворов был доставлен в милицию, и руководивший операцией молодой опер Сергей Алехин, тот самый, что принес в прачечную метку, заявил Суворову, что для облегчения своей участи ему нужно немедленно признаться в совершении преступления с отягчающими обстоятельствами.

Совершенно ошарашенному Феде признаваться было не в чем. И хотя его с оттяжкой и с удовольствием били всем отделением, он